

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВЫЖИВАЕМОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Михаил Владимирович Воропаев,
*профессор кафедры теории и истории педагогики
Московского городского педагогического университета*

Перспективы того, что Россия будет полностью интегрирована в правовое поле Европейского экономического сообщества, в нынешней геополитической ситуации становятся призрачными. Несмотря на это, принципы, заложенные проектом Международного Банка реконструкции и развития (IBRD-IDA) «Education Reform Project» № P050474 и рядом других международных документов, продолжают прилежно исполняться. Данная статья посвящена обсуждению тезиса о значении этих локальных для мировой истории событий в контексте соотношения процессов глобализации и выживаемости национальных систем образования.

Совершенно очевидно, что традиционная система образования, как и педагогическое знание, сложившиеся ещё в СССР и пережившие перестройку, уходят в небытие. Официальная позиция государственных органов Российской Федерации по поводу реформирования образования достаточно проста: реформы направлены на формирование творческого, свободного человека, гражданина правового государства

и призваны покончить с авторитарным образованием и ущербной советской и постсоветской педагогической наукой. Поскольку реформа прямо касается жизненных интересов большей части населения, она вызвала жёсткую эмоциональную критику. В рамках этой критики оценки реформы, естественно, были совершенно иными, нежели в официальной версии. Большая часть из них

сводилась к тому, что образование не реформируется, а полностью разрушается. Между тем эта критика не повлияла на темпы реализации реформы.

Столь масштабный социальный институт, как система образования, испытывает на себе влияние огромного количества факторов, которые по весомости могут поспорить с государственной властью. Среди них, к примеру, аномия¹, связанная с кризисом, который был вызван поиском новой государственной идеологии; фактическая победа массовой культуры, поддержанная маркетингом транснациональных корпораций; доминирование на экранах продукции Голливуда и многое другое. Да и цели самого государства не настолько очевидны. Например, настоятельные интенции федеральных органов к общественным партнёрам школы и бизнесу, намерения повысить роль муниципальных органов (и муниципальных бюджетов) явно демонстрируют стремление в перспективе сократить участие федеральных средств в общем образовании.

Охватить все стороны развития системы образования вряд ли способно даже комплексное междисциплинарное исследование. Поэтому мы остановимся на некоторых ключевых, на наш взгляд, аспектах.

К чему свелась реформа?

Если дистанцироваться от напряжённого и политизированного дискуссионного поля, окружающего реформу образования, можно выделить несколько тезисов, описывающих факты, к которым свелась реформа образования (вне зависимости от того, закреплены ли они в нормативных документах как её цели).

1. Внедрение в институт образования экономических механизмов: изменение системы финансирования, введение экономических задач

¹ Аномия — состояние общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок.

в число других целей деятельности образовательных организаций, перестройка нормативной базы управления образованием на основе идеологии управления качеством (ФГОС, ЕГЭ, ИГА) и пр.

2. Формирование на основе старых образовательных организаций (школ, детских садов и пр.) новых, гораздо более крупных организаций.

3. Замена языка образования: начиная от языка научной педагогики вплоть до языка нормативных документов.

В число этих результатов мы осознанно не включили то, о чём регулярно отчитывается Минобрнауки, — повышение качества образования. Никто не спорит, что формирование конвергентного мышления, универсальных учебных действий как самостоятельная задача, стоящая перед каждым учителем, — это прекрасно. Как и то, что борьба за честную и справедливую оценку учебных достижений учащихся в насковом коррумпированном социуме, — это хорошо (хотя здесь со мной многие не согласятся). И много успешных школ и творческих учителей, которым действительно есть чем гордиться. Но всё же официальная статистика вызывает сомнения, и даже в PISA участников выборки не спрашивают, сколько с ними занимаются бабушки, родители и репетиторы.

Известно, что в России 1990-х годов был внедрён самый рыночный из всех рыночных вариантов экономики. Не удивительно, что образование оказалось втянуто в сферу экономики и экономические критерии стали важнейшими в ряду других критериев деятельности образовательных учреждений.

В науке известно понятие «экономического империализма» — экспансии экономических методов в сопредельные гуманитарные науки. Отечественная педагогика — пример отрасли знания, где такая экспансия состоялась. Но не следует путать экономическую теорию (точнее

economics — развитую социальную науку с огромным количеством направлений) и экономические идеи, которые используются в реформировании образования в России. Это примерно то же, что приравнивать систему научных взглядов Карла Маркса к взглядам комиссара, раскулачивающего «классового врага».

Первоисточник для первоисточников

Одна из центральных идей, на которых основана реформа образования в России, — обеспечение качества образования и связанные с ней идеи операционализации и стандартизации.

Методология обеспечения качества образования соотносится (неочевидно) со стандартами ISO² и ещё более неочевидно с моделями всеобщего менеджмента на основе качества (TQM)³. Так как мы рассматриваем их как «первоисточник для первоисточников» педагогических концепций качества образования, то имеет смысл остановиться на них подробнее.

Наиболее общие положения всеобщего менеджмента на основе качества сводятся к тому, что фирма должна постоянно и одновременно добиваться усовершенствования трёх составляющих: качества продукции, качества организации процессов, уровня квалификации персонала. В своём классическом варианте TQM включает два механизма: контроль качества и его постоянное повышение. Стандарты ISO во многом опираются на те же механизмы, но они более технологичны, более статичны, не предусматривают вовлечения в процессы поддержания качества всех сотрудников. Напомним, что стандарты ISO 9001 — многоуровневые детализированные документы, включающие описание как общих принципов, так и должностных инструкций сотрудников, отвечающих за контроль качества. Эти стандарты рассчитаны на нивелирование специфики

корпоративных культур, экономической среды, институциональных особенностей, это стандарты глобализации. Не случайно эти стандарты стали политизированным инструментом европейской интеграции. И организации вынуждены им следовать, если хотят сохранить свои позиции на рынке.

Знаковым событием для подготовки педагогического сообщества к грядущим реформам стала очень вовремя переведённая с финского книга Т. Санталайнен, Э. Воутилайнен, П. Поренне, И.Х. Ниссинен⁴, посвящённая управлению по результатам. Усилиями целого ряда отечественных учёных-педагогов научный подход, отвергающий любые цели управления, кроме операционализируемых, стал *Credo* современных российских стандартов общего образования. Все результаты, на которые ориентирована школа, в том числе и результаты воспитания личности, должны были быть однозначно измерены и составлен проект (план) их пошагового достижения. Так как среди авторов стандарта, видимо, ещё оставались профессионально грамотные люди, знающие о том, что в масштабах территориально распределённой системы размером со страну невозможно измерить «личностные результаты», они стыдливо делегировали эту миссию на уровень школы (как и почти всё остальное).

Объективная нереализуемость стандарта ввергает школу в критическую организационную патологию (по А.И. Пригожину — причина устойчивого целенедостижения организации⁵). Ниже мы покажем, что другие факторы ещё более усиливают её действие.

² International Organization for Standardization — международная организация, занимающаяся выпуском стандартов.

³ Total Quality Management (всеобщее управление качеством) — общеорганизационный метод непрерывного повышения качества всех организационных процессов.

⁴ Тимо Санталайнен, Эро Воутилайнен, Пертти Поренне, Йоуко Х. Ниссинен. Управление по результатам: Пер. с фин. / Общ. ред. и предисл. Я.А. Лейманна. — М.: Прогресс: Универс, 1993. — 318 с.

⁵ Пригожин А.И. Методы развития организаций. — М.: МЦФЭР, 2003. — С. 96.

Метафора инновационности

Тезис об инновационности образования — самый невнятный, самый расплывчатый из обьёмы идеологических основ реформирования отечественной системы образования. Мы имеем в виду не проблему внедрения инноваций в образовании, которая вполне научна, а именно метафору «инновационности» в большинстве официальных документов, посвящённых образованию. Если в коммерческой организации цели Quality Improvements (QI) — улучшение качества — совершенно очевидны, то в современной российской образовательной организации инновационность превратилась в самоцель: «Неважно, лучше или хуже, главное — иначе!». В инструктивных письмах Минобрнауки практически не встречается такая логическая конструкция, как «инновация, направленная на...». Инновационность в образовании превращается в бесконечный бег без цели. В данной статье используем для его обозначения неологизм «инновирование», некоторое время назад широко использовавшийся в системе Московского департамента образования.

Может показаться, что «инновирование» направлено на идеологическую зачистку остатков советского наследия, но его эффекты гораздо шире и глубже. Прямое следствие «инновирования» — дестабилизация любой устойчивой структуры в образовательной организации. Психика человека, тем более ребёнка, не может существовать в мире, где отсутствуют устойчивые структуры. В художественной фантастике авторы создавали образы мира одноразовых вещей, и это были очень мрачные картины. Но только у Министерства образования и науки РФ хватило креативности, чтобы взять курс на создание мира одноразовых организаций.

Простота и изящество, с помощью которых власть в лице Министерства образования изолировала традиционные для образования экспертные сообщества от механизмов разработки политики и принятия решений, и тем самым закрепила **полную замену пе-**

дагогического языка для образования, покоряет. Не потребовалось ни репрессий, ни даже изменения финансирования (хотя последнее, несомненно, имело место). В отличие от мрачного советского тоталитаризма, который нормативно закреплял только идеологию, в современном государственном образовательном стандарте нормативно закреплён единственный научный подход — «системно-деятельностный». Одним предложением вся научная педагогика и психология была удалена с игрового поля «образование». На нём остался очень узкий круг носителей сакрального знания, и никого не смущало, что подход (подозрительно похожий на традиционно существующие) оказался практически без научной школы и даже без текстов, в которых основатели рассказывали, что это такое (за исключением нескольких статей в журналах и фрагментов монографий). Впрочем, волна публикаций, в том числе докторских исследований по теме «какой хороший системно-деятельностный подход», всё увеличивается, и скорее всего интрига с его таинственным смыслом будет раскрыта.

Укрупнение школ

Это самое очевидное, в отличие от «инновирования», явление в реформировании и в то же время самое загадочное по своим целям и истокам. Никто не знает имён интеллектуалов, предложивших власти этот путь. И никого не останавливает, что в мире трудно найти аналогичные примеры укрупнения, и что ещё живы воспоминания о последствиях увлечения укрупнением в советскую эпоху.

Для обывателя объяснение укрупнения очень простое: сократят трёх директоров — оставят вместо них одного. Начальство в России не любят, так что цель вполне убедительная. Однако бывшие директора остаются заместителями нового директора, да и руководитель холдинга получает совершенно другую зарплату.

В изложении руководителя Московского департамента образования И.И. Калины, который, видимо, ближе всех смог подойти к тому идеальному результату, на который ориентируется Минобрнауки, причины укрупнения сводятся к следующим тезисам:

- педагог должен управлять педагогической единицей;
- образовательная организация — это не педагогическая единица, а единица бюджетная;
- бюджетной единицей должен управлять руководитель-менеджер;
- так как хороший руководитель-менеджер вместе с командой должен получать очень хорошую зарплату, то лучше объединять много школ⁶.

Из приведённых тезисов вроде бы следует, что руководители холдингов будут заниматься только деньгами и никак не вмешиваться в педагогическую деятельность. Уставы образовательных холдингов (что вполне логично) возлагают на руководителей всю полноту ответственности за все результаты деятельности образовательной организации и предоставляют им все необходимые полномочия. Да и вряд ли возможно управлять деньгами, не управляя организацией.

В чём же тогда реальный результат укрупнения школ? — В уничтожении традиционных организационных структур, традиционных систем отношений, традиционных укладов, традиционных корпоративных культур. Но зачем? — Можно только догадываться...

Догадки такого рода уже давно озвучиваются. Отечественные учёные, идеологически поддерживающие реформы, уверенно высказываются о необходимости уничтожения школы в современном виде: «Институт школы до сих пор во многом является тем «дисциплинарным институтом», социальный проект которого был задуман и реализован ещё в середине XVIII века... и сегодня мы находимся перед лицом неэффективной социальной «псевдоформы», то есть в ситуации, когда прежний исторический прототип уже невозможен, а нового прототипа организации школы

⁶ Рейтер С. Москва — это не сельская школа: Интервью с И. Калиной / РБК. URL: <http://daily.rbc.ru/ins/society/11/11/2014/546213a7cbb20f7b38b392f7> (Дата обращения 01.12.2014).

как современного социального института не создано...»⁷.

Образовательные услуги как S-товары

Сама идея вовлечения школы в рыночные отношения не нова, как и её частный вариант с подушевым финансированием. Она имеет и многочисленные аргументы «за», и не менее многочисленные аргументы «против». Хочется обратить внимание на другое.

Во-первых, на многократно описанный в научной и художественной литературе (и прочно ныне забытый) феномен отчуждения человека в капиталистическом обществе. Стоимость — универсальный заместитель всех ценностей. Чем ближе она стоит к этическим и эстетическим ценностям, тем сильнее они размываются. И чем больше мы выпускаем в школу рынок, тем меньше там остаётся воспитания.

Во-вторых, рынки бывают разные. А. Бузгалин, А. Колганов описывают S-рынки. В современном мире интенсивно развивается так называемый превратный сектор капитала — такие сферы, как финансовые спекуляции, масс-культура и вызывающее пресыщение сверхразвитие утилитарного потребления, политическое и духовное манипулирование человеком и т.п. Все они рождают особый мир симулятивного, призрачного, откуда исходят наваждения. Каждая из этих сфер полна симулякров. Финансовые спекуляции на мировых рынках валют симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создаёт симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей.

⁷ Попов А.А. Социально-антропологические основания практик современного образования // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2008. — № 314. — С. 61. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-antropologicheskie-osnovaniya-praktik-sovremenogo-obrazovaniya> (Дата обращения: 07.02.2014).

Это бытие «наведено» на людей капиталом подобно тому, как злой колдун наводит морок. В результате у людей формируются «наведённые» потребности — «оторваться с «Фантой», «запесовать мегахит». В ряду подобных S-товаров присутствуют и образовательные услуги. С. Бузгалин и А. Колганов пишут о человеке-бренде, о человеке-симулякре, которые вполне могут выступать ориентиром для субъекта, приобретающего образовательные услуги⁸. Несложно сделать очевидный логический вывод: сущность образовательной услуги заключается в том, что она легко превращается в S-товар, и в её цене может присутствовать некая превратная форма, создающая видимость высокой стоимости данного феномена, но при этом скрывающая действительное содержание — целенаправленное, осуществляемое нерыночными методами манипулятивное, сознательное воздействие на человека, общество и экономику.

Проникновение симуляций в сферу педагогического знания

В настоящее время усиливается тенденция к секвестированию и размыванию естественно-научной ипостаси педагогики и гипертрофированному разрастанию её мистической и легитимационной составляющих. Кроме того, стремительный рост объёма научно-педагогических текстов в сочетании с изъятием коммуникации в рамках научного сообщества объективно осложняет (если не сказать жёстче — делает невозможным) структурное упорядочение научно-педагогического знания. Имеют место и прогрессирующие затруднения с верификацией в области научно-педагогического знания.

Симуляция — понятие, фиксирующее феномен тотальной семиотизации бытия, вплоть до обретения знаковой сферой статуса един-

⁸ Бузгалин А., Колганов А. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономики // Альтернативы. — 2012. — № 2. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/15619-rynok-simulyakrov-vzglyad-skvoz-prizmu-klassicheskoy-politicheskoy-ekonomii.html> (Дата обращения 01.12.2014).

ственной и самодостаточной реальности. Симулякр — термин, специально придуманный для ситуации, когда понятие в принципе не может быть соотнесено с неким объектом, то есть теряет значение, переставая быть понятием, сохраняя при этом способность выступать основой коммуникации.

Симулякры заботятся о своём существовании, выстраивая запреты и ограничения. Попадая в нормативный документ, симулякр оказывается на острие «инновирования», и социальная реальность деформируется под воздействием властных механизмов. Неважно, что нельзя измерить личностные результаты, — уже несколько лет вся начальная школа успешно их измеряет и не менее успешно отчитывается.

Расплата за господство симулякров ужасна, особенно в образовании, — это не просто определённые недостатки или сбои в процессах, это размывание самой школьной реальности. Современная «образовательная» бюрократия уничтожает «первородную» естественную, онтологическую реальность воспитания и населяет её симулякрами, которые похожи на свои прототипы — педагогические подходы и теории, но таковыми не являются.

Симулякр скрывает абсурд. А постперестроечная педагогика России — это педагогика абсурда⁹. Очевидно, что в период крупных социальных сдвигов реформирование и инновации в обществе рождают непонимание и ощущение абсурдности у многих слоёв населения. Когда-то многие учителя гимназий были шокированы аббревиатурой ШКРАБ и дальтон-планом, хотя почти наверняка были педагоги, которые восприняли новшества с энтузиазмом как возможность личной самореализации.

⁹ В данной статье абсурд понимается как феномен, связанный со сложностью или невозможностью интерпретировать высказывание, события, явление в рамках определённой семиотической системы. Существует и абсурд, который в принципе невозможно интерпретировать ни в одной семиотической системе.

Абсурд рождается при столкновении теоретических конструкций «старого» и «нового» формата. На уровне нормативных документов федерального уровня сосуществуют «конкурентоспособность личности» и «гуманистическая ориентированность системы образования».

Уже много лет как насмешка над здравым смыслом «живёт» принятое отечественным педагогическим сообществом понятие «безопасная личность».

Абсурд рождается на границе естественно-научной ипостаси педагогики и её мистической части. Хотя, по большому счёту, духовность, как некое трансцендентное измерение человека (по христианскому догмату — «искру Божию») в принципе нельзя оценить эмпирически, тем не менее в текстах встречается словосочетание «духовная компетентность».

Абсурд как технология

На этом можно было бы завершить изложение, если бы не одно важное обстоятельство: абсурд может выступать и выступает как технология. Технология мощная и деструктивная. Если огромная армия профессионалов не понимает, что происходит, то это разрушает их жизнь. Причём не только профессиональную, но и личную. Боги знали, как проклясть Сизифа. «Удерживание» восприятия абсурда, и сохранение при этом своего «Я» — тяжёлое бремя для человека.

Наиболее лично сильные учителя сопротивляются, кто-то уходит, кто-то внешне приспосабливается, но большая часть людей ломается и превращается в один из идеалов реформы образования — менеджеров по реализации образовательных услуг. Данная среда начинает порождать людей, которые не только хорошо адаптируются к описанным «нечеловеческим» условиям, но и становятся носителями соответствующих антиценностей. Такая среда создаёт благоприятные социальные фильтры для движения вверх по административной лестнице лиц с отрицательной духовностью. Если во главе образовательного учреждения (или территориальной системы) станет пассионарий-разрушитель, то ему вполне по силам переориентировать воспитание с социального на антисоциальное.

Социальные институты имеют значительную, хотя и не бесконечную, силу инерции. Школа укоренена в отечественной культурно-исторической традиции. Система школьных символов пронизывает жизнь каждой семьи. Среди большого перечня функций школы одна из важнейших — обеспечение социального контроля за учащимися. Можно предположить, что если школа как базовое звено в системе непрерывного воспитания и обучения исчезнет, криминализация нашего общества геометрически возрастет. Радикальное реформирование и тем более замена школы как культурно-исторического института приведёт к не менее радикальному изменению общества. И вряд ли это общество будет лучше, чем нынешнее.

Фактический, а не декларируемый смысл реформы образования в России — полный демонтаж *всего традиционного социального института образования*, начиная с организационных форм и кончая теоретическим и практическим уровнями педагогического знания, при совершенно абсурдных, симулятивных проектах нового образования.

Колокол, возвещающий похороны традиционного образования в России, на самом деле звучит по всем традиционным национальным системам образования. Только прислушивается к нему исключительно средний класс. Элита учит своих детей в других местах, а остальное население соразмеряет будущее своих детей с рекламой и телешоу. Продолжают сопротивляться пока что русская провинция, да бабушки с дедушками, сидящие с внуками и в ужасе пытающиеся спасти детей от «нашей новой школы».

Хоронится не только образование, уходит в небытие семья с нормальными отношениями между детьми и родителями, Церковь, в которой мужеложество считалось смертным грехом, шекспировские герои уступают место эпатажному перформансу. Уходит весь мир, который средний класс наивно считал нормальным.